

Александр Телёгин

Наташка, я и тарантул

18+

Александр Телегин

Наташка, я и тарантул

«Автор»

2026

Телегин А. А.

Наташка, я и тарантул / А. А. Телегин — «Автор», 2026

Родители привозят на тележке в первый класс свою дочь Наташу, переболевшую в детстве полиомиелитом. Набегает целая толпа любопытных. Девочка ошеломлена столь многолюдным интересом к своей персоне и сидит, по самые уши втянув голову в плечи, с ужасом озираясь исподлобья, как кот, которого принесли в чужой дом. Герой повести Миша сходится с ней, благодаря случайно заползшему в класс тарантулу. И начинается драматическая история их дружбы или любви.

© Телегин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Наташка	5
Тарантул	8
В четвёртом классе	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Телегин

Наташка, я и тарантул

Наташка

Наташка Кильдышева была некрасивой девчонкой: рыхлая, толстая, лицо круглое с наметившимся вторым подбородком, глаза узкие, бесцветные, вроде немного заплывшие, а волосы... Чёрт её знает, какие у неё были волосы: то ли пепельные, то ли белёсые, то ли цвета мешковины, а может толчёной дорожной пыли.

Она была моей одноклассницей десять лет, хотя я пошёл в первый класс в нашем селе, а она в Евпатории в санатории «Родина». Наташка лечилась там полгода, вернулась домой в середине февраля и училась дома. Её мама Анна Ивановна относилась в школу выполненные дочерью домашние задания, и получала от нашего учителя Кузьмы Васильевича Данилова новые.

Кузьма Васильевич был фронтовиком, воевал на Дальнем Востоке с японскими милитаристами, носил армейские галифе и белые бурки, и всем песням на свете предпочитал «По долинам и по взгорьям». Ему в то время было сорок девять лет, но он был совершенно седой, и лицо у него всё было в морщинах, так что выглядел он на все семьдесят пять.

Я отлично помню, как Кильдышева впервые пришла в наш первый класс. Это было в последней четверти после майских праздников, когда подсохла земля.

Отец привёз её на неуклюжей детской тележке с бортиками фисташкового цвета, никелированными ручками и откидным (а может, подъёмным) верхом. Почему-то я помню эту тележку, хотя с тех пор прошло шестьдесят лет. Уже тогда это была очень старая тележка, и, может быть, Кильдышеву возили в ней, когда она была грудным ребёнком.

Нас – учеников разных классов – набежала целая толпа. Мы молча стояли и пялились на Кильдышеву, которая была ошеломлена столь многолюдным интересом к своей персоне, сидела, по самые уши втянув голову в плечи, и с ужасом озиралась исподлобья, как кот, которого принесли в чужой дом.

На Наташке была ученическая форма: коричневое платье с белыми воротничком и манжетками и чёрный фартук. Две, то ли пепельные, то ли белёсые косички с заплетёнными бантиками, топорщились в разные стороны. впереди неё, будто отдельно, лежали тонкие безжизненные ножки в шерстяных чулочках и маленьких коричневых ботиночках. Когда отец вынул её из тележки и взял на руки, ножки заболтались в воздухе, как верёвочки – Наташка не умела ходить. Отец принёс её в класс, посадил на первую парту, и она так и осталась сидеть, втянув голову, уткнувшись взглядом в какую-то точку на крышке парты.

Никто не решился сесть рядом с ней. Галька Анискина и Лёнька Цыбин, сидевшие здесь до неё, собрали свои манатки и пересели на свободные места, а Кильдышева так и просидела на этой парте одна до четвёртого класса, ни с кем не разговаривая, ни на что не реагируя. Я вслед за всеми делал вид, что не замечаю её – зачем приставать к человеку, если он этого явно не хочет.

Меня в ней удивляло только одно: как ей удавалось целый день не писать. Я писаю перед школой и на большой перемене, а, прибежав домой, делаю это первым делом. А ей хоть бы что – сидит себе все уроки не писавши!

Кузьма Васильевич обращался с ней, как с хрустальной вазой, которую боязно невзначай разбить. Он разговаривал с ней спокойней и мягче, чем с нами, а когда спрашивал урок, смотрел на неё с каким-то напряжением, будто боясь, что она не ответит. Видя, что она знает урок, наш седовласый учитель успокаивался, хвалил её и ставил пятёрки. Я не помню случая, чтобы Наташка не выучила урока. Но если бы даже она не знала ответа, Данилов, несомненно,

пришёл бы ей на помощь. Ах, да! Я вспомнил, что однажды она неправильно решила задачу, и Данилов сказал: «Ладно, Наташа, ты решишь эту задачу завтра». Но назавтра он её не спросил.

Так же бережно относились к Кильдышевой все учителя-предметники, когда мы учились в старших классах. Лишь однажды, уже в девятом классе, приехавшая по распределению молоденькая учительница русского языка и литературы, войдя в класс, строго уставилась на Наташку и спросила: «А вы, девушка, почему не встаёте, вам требуется особое приглашение?», на что мы хором и как-то отчаянно закричали, что она не может встать, а учительница сконфузилась и стала извиняться.

У остальных учеников нашего класса с Кузьмой Васильевичем сложились более сложные отношения, чем у него с Кильдышевой. Не то что мы его не любили... Но он был чересчур мягок, мы это воспринимали как слабость и даже между собой звали его пренебрежительно Кузя. К тому же мы были идиотами, и в голову нам приходили самые нелепые идеи.

Самая-самая нелепая нам пришла в третьем классе, который мы, кстати, тоже начали без Наташки, опять лечившейся в Евпатории в санатории «Родина». Она вернулась к нам только перед октябрьскими праздниками.

Тут надо сказать, что школа наша была новой, но строили её будто для школяров времён толстовского Филиппка. В ней не было ни центрального отопления, ни канализации, ни водопровода. И даже уборная располагалась в самом дальнем углу школьного двора, и мы бегали туда и в майскую жару, и в январские холода, утопая то в вязкой чернозёмной грязи, то в убродных сугробах, то обливаясь потом и задыхаясь от тяжёлых миазмов, то подставляя свои нежные юные задницы сибирскому морозу. Сейчас это кажется немыслимо, но тогда, в первой половине шестидесятых годов, это было так и, казалось, не может быть иначе.

Детей в селе было много, и школа работала в две смены. В первом и втором классах мы учились в первую смену, а в третьем и четвёртом – во вторую.

Школьные технички упирались, как савраски: вёдрами носили с колонки питьевую воду, согревали её чуть не своими телами и следили, чтобы в коридоре бачки всегда стояли полными, а в школе было тепло.

В нашем классе сразу за средним рядом парт стояла голландская печь. Перед второй сменой пожилая техничка тётя Клава приносила охапку дров, ведро угля и затапливала её. Мы приходили в уже тёплый класс.

И вот однажды кому-то из нас, кажется, Ваське Сныцареву – законченному лодырю и самому хулиганистому из нас – пришла в башку суперидиотская идея:

– Давайте, закроем вьюшку, Кузя угорит и отпустит нас домой.

Увы, мы не были Хве-ли-пей-пок-поками, идея показалась нам замечательной, и мы охотно на неё откликнулись. Во время большой перемены пододвинули к печке заднюю парту, Сныцарев, вскарабкавшись на неё, дотянулся до вьюшки и задвинул её в дымоход до упора. В классе запахло угарным газом, мы, естественно, вышли в школьный коридор, а в классе осталась одна Кильдышева.

Перемена кончилась, в класс вошёл Кузьма Васильевич.

– Что-то угаром пахнет, – сказал он и тут же пошёл осматривать печь.

Ну откуда же могло нести угаром, как не от печки?!

Мы замерли в ожидании вождельных слов, что можно идти домой. Некоторые уже собрали портфели.

– Странно! – сказал между тем учитель. – Ведь на предыдущем уроке не было никакого угара. Ах вот оно что! Наверное, тётя Клава слишком сильно закрыла задвижку. Она приходила?

– Приходила, приходила! – подтвердили мы, да и солгали.

Кузьма Васильевич открыл задвижку в трубе, двери в коридор, форточку на улицу и начал урок.

Кильдышева не проронила ни слова, как будто происходящее её не касалось.

Назавтра мы повторили попытку, не понимая своими дурными головами, что если наш учитель парировал первую, то непременно парирует и вторую – точно такую же. Пришёл Данилов, почуял угарный запах, открыл выюшку и, не говоря ни слова, пошёл за тётей Клавой. Вскоре он вернулся с ней и спросил, зачем она закрывает выюшку.

– Я её не закрывала! – сказала взволнованная до возмущения тётя Клава. – Я и в класс-то не заходила. В два часа затопила, и больше меня здесь не было!

– А вчера?

– И вчера не было! Врут они, Кузьма Васильевич! Врут безбожно! Это вон тот их сбивает! Сныцарев! Он всем пакостям зачинщик!

– Я вам верю, – сказал Данилов, – можете идти. Ну-ка, Сныцарев, выйди сюда!

Сныцарев, ссутулившийся как старый дед, пошел к доске. В пятке его валенка чернела дыра, и из неё волочился за ним хвост грязной ваты.

– Если ты, Сныцарев, маешься дурью, мой тебе совет: разбегись как следует и ударься головой о стенку, может дурь из тебя выскочит! А вы! – обратился он к классу. – Во-первых, вы поступили крайне непорядочно, оболгав женщину; во-вторых, вы не маленькие, должны думать и понимать, что делаете. Угарный газ – это сильный яд. Вы вышли из класса, а Наташа осталась дышать им. Вы могли убить её!

Кильдышева, услышав, что её жалеют, тоже пожалела себя, скривила лицо, и закрылась рукой. Но я видел, как она вытерла глаза рукавом, а потом придала лицу прежний непроницаемый вид.

– Как ты себя чувствуешь, Наташа? – спросил участливо Кузьма Васильевич. – Голова не болит?

Кильдышева отрицательно замотала головой.

На самом деле голова у неё болела. После занятий за ней с санками пришёл отец (зимой он возил её на санках). Я видел, что как только они очутились за школьным двором, Кильдышеву стало рвать. Отец всполошился:

– Наташка! Что с тобой?

– Ничего! – ответила она, – Голова сильно болит.

Я пришёл домой и весь вечер думал, что я дурак, и из-за меня Кильдышева чуть не умерла. Мне было жалко её и стыдно за себя.

Тарантул

В четвёртом классе случилась такая история. Стоял сентябрь, было холодно, шли дожди. Играть на переменах в школьном дворе не хотелось, и мы оставались кто в классе, кто в школьном коридоре, по которому носились во всех направлениях с дикими воплями и который одновременно был спортивным залом, где проводились уроки физкультуры.

Я остался слоняться по классу. И вдруг мы увидели, что по полу ползёт огромный чёрный паук – тарантул. Как он оказался в классе, из какой дыры выполз, – я до сих пор не могу понять. Раньше я видел тарантула только один раз на нашем участке за селом, где мы сажали картошку. Кажется, это была паучиха, потому что на спине у неё сидели маленькие паучата. На поле в земле она не была страшной, потому что ей было естественно ползать по полю с детишками на спине, и я её не тронул. Но тут на полу в классе! Да такой огромный, страшный, мохнатый! И выполз он из-под Наташкиной парты! Девчонки завизжали от страха, а Кильдышева даже не пикнула, бровью не повела!

Тарантул полз медленно и был похож на немецкий танк. Иногда он останавливался, поднимал вверх передние ножки и поводил ими, как пушкой. Он дополз до стены, на которой висела доска, и остановился, соображая, куда продолжать путь.

Я подошёл, чтобы разглядеть его поближе. Поближе он оказался не таким уж чёрным – скорее серым. Он почуял опасность, угрожающе приподнялся вместе со своими пушками и направился к моей ноге. Этим он разозлил меня:

– Ах ты, собака! – сказал я и наступил на него ботинком.

Тарантул не выдержал моего веса и умер. Когда я слез с него, он был плоским, как хоккейная шайба, только конвульсивно дёргал одной из восьми своих волосатых ног. Я пнул его, он отлип от пола и, перевернувшись на спину, заскользил по нему как по льду. На столе у Кузьмы Васильевича лежала сорокасантиметровая линейка. Я взял её и, представляя её клюшкой, а себя хоккеистом Борисом Майоровым, погнал труп тарантула по классу.

Я разошёлся. Девчонки смотрели на меня как на храбреца, победителя страшного чудовища. Выкобениваясь перед ними, я подцепил тарантула концом линейки, подбросил вверх и ударил, как бьют слёта по шайбе. К несчастью я попал. Шайба подлетела до потолка и упала сидевшей на первой парте Кильдышевой на голову. Наташка закричала, как будто я снёс ей голову. Она смахнула рукой тарантула и зарыдала так, будто выплёскивала все слёзы, что сдерживала внутри себя три года.

Я бросился к ней:

– Наташа, Наташа, прости! Я нечаянно, я не хотел!

Кильдышева была безутешна. Её лопатки подпрыгивали, будто внутри неё происходило землетрясение.

Вошёл Кузьма Васильевич:

– Что случилось?! Наташа! Кто тебя обидел?

– Я кинул в неё тарантулом, – признался я.

– Каким тарантулом?! – изумился Данилов.

– Вот этим, – сказал я, указывая надохлого тарантула, лежавшего рядом с партой.

– Негодай! Выбрось его немедленно, а сам иди домой и без родителей не возвращайся!

Я послушался и вернулся с отцом.

На другой день я подошёл к Кильдышевой.

– Наташка! Прости. Ты сильно испугалась?

– Сильно, – сказала она. – Я трусиха.

– Какая ты трусиха?! У тебя из-под ног выполз тарантул, а ты не шелохнулась! А если бы он заполз тебе на ногу?! Да ещё и укусил!

– Я испугалась, но было стыдно кричать – ведь я его заметила после того, как он уползал от меня. Я выдержала, зато потом, завизжала, как свинья...

– Ещё бы! Если бы мне на голову упал тарантул, я умер бы от страха, не то что завизжал!

– Тебя побили? – неожиданно спросила она.

– Нет, отец немного уши надрал. Но это ничего, «не больно – курица довольна».

– Если бы я знала, не стала бы кричать.

– Ты не виновата, на твоём месте любой бы закричал. Слушай, Наташа, можно я сяду рядом с тобой?

– Не знаю. Парта не моя. Садись, если хочешь.

– Я хочу.

– Ну садись, если Кузьма Васильевич разрешит.

И я пересел к Кильдышевой и просидел с ней рядом до самого окончания школы.

Через два дня за Кузьмой Васильевичем после второго урока прибежали, – у его жены случился сердечный приступ. Он конечно сказал, что уроков больше не будет. Все обрадовались (вот поросята!) и пошли домой.

– А ты, Наташка, целых два часа будешь сидеть одна? – спросил я.

– Ну и что? Я уроки сделаю, пока папка придёт.

– Давай, я отнесу тебя домой.

– Ты что! Не надо.

– Почему?

– Потому что я тяжёлая.

– Ты не думай, я сильный. Дотащу за милую душу. Садись мне на закорки.

– Не надо. Я не хочу!

– Зачем же тебе сидеть два часа? Это скучно.

– Ничего не скучно, я привыкла.

– Ладно, сиди пока! Я сейчас.

И я побежал к ней домой. По двору ходил Наташкин дед Иван Иванович в старой коричневой шапке из искусственного меха. Он был один из немногих, может единственный пчеловод в нашем селе. Я сказал ему, что уроков больше не будет, и Наташку можно забирать.

– Спасибо, что сообщил. Сейчас схожу за ней. Тебя как звать?

– Мишка.

– Молодец, Мишка. Ты, я вижу, добрый мальчик.

– Какой я добрый?! Я в Наташу тарантулом бросил.

– Каким тарантулом? Ты, я вижу, фантазёр!

– Разве она ничего не рассказывала?

– Не рассказывала она ни про каких тарантулов! Откуда в школе тарантулы?!

У Кильдышевой вместо младенческой уже была другая коляска, которую сварил из труб в совхозной мастерской её отец. На вид она была почти заводской, но тяжелее, и вместо настоящего на ней лежало сидение из тракторной кабины. Я выхватил её у деда из-под носа и бегом покатил перед собой в школу. Дед едва поспевал за мной.

– Карета подана! – крикнул я, вбегая в класс.

Вслед за мной вошёл Наташкин дедушка:

– Ух! Задал ты мне пробежку! Пойдём, Наташка.

Кильдышева просияла. Всё-таки она была рада уйти домой пораньше.

Она подвинулась на край парты, дед наклонился к ней, она обвила его шею, он обнял одной рукой её под мышки, другой взял под коленки и еле выпрямился с ней на руках:

– Тяжёлая ты, Наташка! Скоро я тебя не подниму!

– Ты же знаешь, дедушка, в прошлом году лечащий врач в санатории «Родина» написал, что у меня позвоночник не прощупывается из-за толстого слоя жира, – сказала счастливая Наташка.

– Твой врач не нашёл его, потому что не знал, где он находится, – пробурчал Иван Иванович.

Домой дед катил внучку сам. Я шёл рядом и нёс её портфель.

– Спасибо, Миша, – сказала Кильдышева, когда мы оказались в её дворе.

– Не за что, – ответил я.

– Зайди, паренёк, я тебя мёдом угощу, – предложил дед.

– Нет, нет, я не люблю сладкое, – соврал я и очень довольный пошёл домой.

На следующий день на большой перемене я сказал Наташке:

– В буфет пирожки привезли. Тебе купить?

– Нет, не надо.

– Как это не надо?! Пирожки вкусные, с мясом!

– Не...

– Все едят, а ты будешь смотреть?

– Я не буду смотреть.

– Как всегда будешь тереть пальцем прошлогоднее чернильное пятно на парте?

Я пошёл в буфет и купил нам два пирожка по десять копеек.

– Держи! – сказал я, подавая Наташке пирожок. – Ещё тёплый.

– Зачем? У меня и денег нет.

– Подумаешь, десять копеек! Мой папка сто тридцать рублей получает – можно купить тысячу триста пирожков. Один-то можешь от меня взять.

– Ну спасибо. А десять копеек я тебе завтра отдам.

Она взяла пирожок и, оглянувшись вокруг, стала есть.

– И правда вкусный, – очень тихо сказала она.

– Ещё бы! Моя соседка тётя Люба печёт! Она заведующая столовой, а наша столовая лучшая в районе.

Я это сказал с такой гордостью, будто в том, что наша столовая лучшая в районе, исключительно моя заслуга.

К нам подошёл Васька Сныцарев, уставился на меня и попросил:

– Дай откусить.

Я откусил почти всю начинку и отдал ему кончик пирожка. Васька проглотил его не жуя, как крокодил. Он был вечно голоден, так как в семье его росло много детей, а отец был знаменитым на всё село пьяницей.

– Вася, хочешь? – робко спросила Кильдышева, потому что Сныцарев продолжал стоять, глотая слюнки и глядя ей в рот.

Васька с готовностью кивнул, и Наташка протянула ему свой пирожковый хвостик, который он, конечно, немедленно сожрал.

– Слушай, Наташка, – сказал я. – Почему ты такая робкая? Пирожок ешь, – оглядываешься, не видит ли кто, на переменах молчишь. Ты нас боишься, что ли?

– Нет, я не боюсь, но я ведь не такая, как все. Мне стыдно.

– Чего тебе стыдно? Я вчера по радио слышал стихотворение про лошадь: «Послушайте, лошадь! Чем вы их плоше? Все мы немного лошади, каждый из нас по-своему лошадь!¹» Чем ты нас плоше? У тебя ноги не работают, у Сныцарева голова, я вообще дурак.

– Ты не дурак, Миша, – обиделась за меня Кильдышева.

¹ В.В. Маяковский «Хорошее отношение к лошадям».

– Как не дурак?! Очень даже дурак! Если бы я не был дураком, не играл бы в хоккей тарантулом, не попал бы им тебе на голову, не дал бы Сныцареву закрыть задвижку. Я ведь видел, как тебя тогда тошнило на дороге.

– Нет, это случайно. Ты не виноват.

– А если бы Кузя отпустил нас домой, ты осталась бы одна и угорела до смерти?

– Не знаю. Может быть и угорела.

– Эх, Наташка, глупая ты!

– Миша, не называй Кузьму Васильевича Кузей, он ведь наш учитель.

– Ладно, не буду.

– Если бы Кузьма Васильевич вас отпустил, он всё равно не оставил бы меня угорать. Он бы вынес меня в четвёртый «Б» или в учительскую. Миша, а хочешь, я расскажу тебе страшную тайну?

– Хочу.

– Нет, сейчас не могу. Потом, когда останемся одни.

– Вот все вы девчонки такие: сначала заинтригуют, а потом оставят в недоумении. Я может ночью не засну от любопытства!

– Миша, смотри, никому не говори, что я собиралась сказать тебе тайну.

– Да ладно, не скажу.

На другой день я опять купил Кильдышевой пирожок, а она протянула мне двадцать копеек.

– Да не возьму я от тебя денег! – возмутился я.

– Тогда я не возьму от тебя пирожок, – сказала она и отодвинула его на мою сторону парты.

– Я всё равно не возьму его назад, – сказал я, отодвигая пирожок Наташке.

– И я не возьму! – упрямилась Кильдышева.

– Тогда я его съем, раз вы не хотите! – сказал вывернувшийся откуда-то Сныцарев и, с ехидной мордой схватив наш пирожок, кинулся наутёк. Я метнулся следом, но не догнал.

– Миша, – сказала Наташка, когда я вернулся после безуспешной погони, – что бы ты сказал, если бы я стала покупать тебе пирожки и не брать деньги?

– С какой стати?

– А мне с какой стати? Каждый должен поступать с другим человеком так, как хотел бы, чтобы поступали с ним, и не поступать, как он не хотел бы...

– Знаешь, в твоих словах что-то есть! Давай, я буду покупать тебе в буфете то же, что и себе, и брать с тебя деньги.

– Спасибо, Миша! На это я согласна.

Наступила зима. Ноябрь перескочил свою половину. Начался чемпионат СССР по хоккею с мячом. Погода была обалденная: тихо, тепло; медленно, огромными хлопьями, похожими на парашюты, спускался с неба снег. Я вспомнил Кильдышеву и пожалел, что она пропускает такую благодать.

Я пошёл к ней домой. Первый раз зайти в чужой дом мне было как-то боязно. Я зашёл тихо, будто крадучись. Хотя зайти должен был как раз, громко постучавшись.

Дверь в комнаты была закрыта, а на кухне у печки возился Иван Иванович.

– Дедушка! – услышал я громкий и весёлый крик Кильдышевой. – Принеси мне кусочек хлеба с салом!

Услышать жизнерадостный крик Наташки с требованием хлеба и сала было для меня также удивительно, как если бы я заглянул в свой пригон, а наша корова крикнула мне навстречу:

– Мишка! Принеси мне воды напиться!

– Натаха! – ответил ей из кухни дед, – к тебе пришёл твой друг.

Наступила тишина, дед провёл меня в комнату. Наташка сидела на диване страшно смущённая. По радио передавали последние известия.

Я совсем оправился от неловкости и сказал:

– Наташка! На улице чудесная погода. Пойдём погуляем. Ты хоть понюхаешь, как снег пахнет.

– И правда, Натаха, пока родители в кино сидят, погуляйте. Погода, действительно, превосходная.

– Я тебя на санках покатаю, – соблазнял я.

И Кильдышева соблазнилась.

Иван Иванович надел на неё пальто, шапку, повязал вокруг шеи шарф, положил на санки старую шубу, мы вдвоём вынесли Наташку из дому, уложили и укутали её ноги, и я со всех ног помчал санки по улице.

Когда я остановился передохнуть, Наташка сказала:

– Миша, ты не презираешь меня?

– Не понял! За что тебя презирать?

– За то, что я двуличная обманщица. В школе тихоня, а дома ору как оглашенная и жру сало.

– Я сейчас лопну от смеха! Ты думаешь, что я думаю, что ты питаешься нектаром? Ха-ха-ха! Как пчёлка? Ха-ха-ха! – мне действительно было очень смешно.

– Я думаю, что ты думаешь, – подхватила мой тон Кильдышева, – что я фальшивая лицемерка. Признайся, ты удивился, что я так весело ору. Ты знал меня несчастной тихоней, а я...

– Нового я узнал о тебе только то, что ты живая и умеешь быть весёлой, и мне это очень нравится.

– Всё равно, Миша, не рассказывай никому, как я вопила.

– Да не скажу! Можешь быть уверена!

– Поклянись.... Нет, не надо, я тебе верю.

– Держись, Наташка, сейчас я помчу тебя быстрее ветра!

И мы пустились по наезженной дороге к берегу речки:

– Держись! Смертельный номер! Спуск с высокого, высокого берега!

Я вскочил валенками сзади на полозья, и мы с Наташкой понеслись вниз, только ветер в ушах засвистел. Я тысячу раз съезжал с этого берега и на санках, и на лыжах, и всегда благополучно, но на этот раз санки на что-то наехали, перевернулись, и мы полетели в снег. Я поднял санки, усадил назад облепленную снегом, но смеющуюся от восторга Кильдышеву и посмотрел, на что же мы наехали. Это была огромная железяка с торчавшими во все стороны острыми рогатинами. Санки наехали на неё левой стороной и опрокинулись направо, если бы она попала нам навстречу по центру, то одна из рогатин непременно прошла бы нас с Кильдышевой насквозь. Я не стал ничего говорить Наташке, которая была просто в восторге от падения:

– Знаешь, Миша, а ведь снег действительно пахнет. А я и не знала.

– Ты никогда не гуляла по снегу зимой?

– Гуляла, конечно! Отец меня иногда катает по селу на санках, чаще всего по воскресениям, да и в школу каждый день ездю, но никогда не замечала, что снег пахнет.

– Это, наверное, потому, что пахнет только свежий снег. Надо гулять во время тихого снегопада.

– Да, Миша. Снег пахнет свежестью и ещё чем-то очень приятным. Я чувствую, но не могу найти слов, чтобы описать.

– Знаешь, Наташка, дядю Гену Кулюкина? У него есть учёная овчарка, даже две овчарки, но у одной сейчас лапа зашиблена. Он запрягает их в санки, и мчится на них, как будто они не собаки, а лошади! Он до того обленился, что даже в магазин за водкой на них ездит. Как-

нибудь мы с тобой поедem к нему, я прицеплю к ним твои санки, и они тебя так прокатят, что ты умрёшь от смеха!

– Нет, Миша, я не люблю собак, я их боюсь. Знаешь что...

– Что?

– У тебя есть лыжные палочки?

– Найдём!

– Одолжи их мне.

– Завтра принесу.

– Устроим с тобой гонки на санках с лыжными палочками!

– А где ж я возьму санки? Впрочем, не проблема! Найду!

– Слушай, Миша, расскажи какую-нибудь историю.

– Какую же историю тебе рассказать?

– Ну что тебя интересует.

– Могу рассказать, что Николай Дураков забил сегодня «Воднику» шесть голов.

– А кто такой Николай Дураков?

– Он нападающий свердловского СКА и сборной СССР по хоккею с мячом. А я болею за свердловский СКА.

– У него такая необычная фамилия...

– Это пример, что человек красит фамилию, а не фамилия человека. Нет, лучше я расскажу тебе об Анатолии Шевелёве и Владимире Байдецком.

– А кто они?

– Они были лётчиками и летали на АН-2. Однажды они полетели из какого-то маленького молдавского городка в Кишинёв. А в самолёт сели два бандита. После взлёта они вошли в кабину лётчиков, наставили на них пистолет и нож и приказали лететь в Турцию. Шевелёв и Байдецкий сделали вид, что согласились, а на самом деле привезли их в Кишинёв. Когда бандиты это поняли, страшно разозлились, и хотели их убить. Байдецкому прострелили руку, а Шевелёва ударили ножом в грудь – нож прошёл в двух миллиметрах от сердца. Но лётчики выделявали всякие фигуры высшего пилотажа, и бандиты кувыркались по самолёту, как карасы в садке. Короче, самолёт посадили на виноградник, где колхозники собирали виноград. Там бандитов и повязали.

– А лётчики выжили?

– Выжили. Как ты думаешь, ведь они герои?!

– Конечно. Разве в этом может быть сомнение? Ты где это прочитал?

– В журнале «Огонёк». Я бы хотел быть на месте лётчиков.

– Миша, я замёрзла, пойдём домой.

И мы пошли домой. Наташкины родители уже собирались искать нас. Сначала они хотели меня отругать, но за меня вступился Иван Иванович, и меня посадили за стол рядом с Наташкой и напоили чаем с мёдом.

В четвёртом классе

Наташка после этого уже не сидела после уроков, ожидая отца. Когда нас отпускали пораньше, я отправлялся за дедом и санками, и мы вдвоём привозили её домой.

Однажды, в конце зимы, мы с Иваном Ивановичем тащили санки с Наташкой по дорогетуннелю между высокими снеговыми стенами, надвинутыми бульдозерами за зиму.

Дорога была такая узкая, что встречные машины и повозки могли разъехаться, только если одна вжималась в стену и останавливалась, а другая объезжала её с величайшей осторожностью.

И вот на этой дороге навстречу нам попался бульдозер с поднятой над кабиной лопатой, хотя нет, кажется это называлось погрузчиком. Мы прижались со своими санками к снежной насыпи, а Иван Иванович даже немного вскарабкался на неё. Бульдозер направился прямо на нас. Я потянул санки за верёвку к противоположной стене, бульдозерист повернул нам навстречу. Я в третий раз изменил курс, но и трактор в третий раз изменил направление! Я почувствовал, что тракторист явно хочет прокатиться по нам гусеницами и раздавить нас в лепёшку. Наташка заорала от страха, её дед скатился с насыпи, я бросил верёвку и кинулся навстречу трактору.

Запах солянки, дыма, прыгающая и лязгающая у самого моего носа гусеница; зияющий дверной проём и бессмысленное лицо в дым пьяного старшего Сныщарева! Я заорал дико и страшно. Сныщарев вздрогнул. Трактор остановился не более чем в пяти шагах от санок с Кильдышевой! Лопата висела почти над её головой!

Наташка рыдала, Иван Иванович с лицом белее снега из последних стариковских сил тащил из кабины Сныщарева, чтобы попинать его ногами в мягких чёсанках, а я схватил за верёвку санки и бросился бежать мимо трактора, ничего не видя и не слыша, и очнулся только у дома Кильдышевых. Никогда не рыдал я так, как тогда. И рыдали мы с Наташкой хором.

От этого, а может от чего другого, Наташка заболела, и я пошёл к ней домой со школьными заданиями.

– Знаешь, Миша, когда ты рассказывал про Шевелёва и Байдецкого, что хотел бы оказаться на их месте, я думала, что ты Храбрый заяц из диафильма. Прости меня, ты правда герой.

– Наташка! Вот глупости! Ты, помнится, обещала рассказать мне какую-то тайну, а до сих пор не рассказала.

– Я не хотела рассказывать. Но раз ты спросил, слушай! В тот день, когда вы закрыли выюшку в первый раз, отец задержался на работе, и я сидела в классе одна. Вдруг вошёл Кузьма Васильевич, и сказал: «Наташа! Скажи мне, кто закрыл выюшку? Кто это сделал? Я не накажу его, не выдам тебя, не подам вида, что знаю. Мне просто интересно».

– Наташка! Ты ему сказала?!

– Сказала, что Сныщарев. Ты думаешь, что не надо было говорить?

– Не знаю. Ну сказала и сказала. Так тому и быть.

– Я вижу, тебе неприятно, что я так поступила. Мне самой ужасно стыдно. Но что было делать? Кузьма Васильевич спросил, и я не могла не сказать ему правды.

– Наташа, у нас вообще-то так не принято, у нас это называется доносом.

– А Игорь Дубровицкий в передаче «Ровесники» говорит, что пионер не должен скрывать плохие поступки одноклассников – это ложно понятое чувство товарищества.

– Может, если бы я слушал Дубровицкого, то тоже сказал бы Кузе про Сныщарева. Не переживай, Наташка, я никому не скажу.

– Я сама сказала Сныцареву. Кузьма Васильевич ведь после второго раза не с бухты-барахты вызвал его к доске. Он знал, потому что я ему сказала. Сныцарев догадался, на другой день подошёл ко мне и спросил: «Это ты про меня Кузе сказала?». Я сказала: «Да».

– А он что?

– Буркнул: «Зря!»

– И всё?

– Всё.

– Если бы при мне спросил, я бы ему в лоб дал. Кстати, я и дал ему сегодня в лоб за пьяного его папашу.

– Сныцарев за отца не отвечает.

– Да чёрт с ним, со Сныцаревым! Если ты ему призналась, то что же переживаешь? Ты же не исподтишка, а честно сказала. Я тебя за это уважаю.

– Не знаю. Всё равно на душе противно.

– Ну и напрасно.

– Миша, я за свою жизнь обидела очень многих людей. Мне иногда стыдно вспоминать.

– Даже представить не могу, что ты кого-то способна обидеть.

– Ну о тебе подумала, что ты Храбрый заяц – это ведь тоже обида. И вообще.

– Да мне даже весело, что ты сравнила меня с Храбрым зайцем! Я действительно бываю страшным хвастуном. Мне и мамка об этом говорит.

– Миша, хочешь, я расскажу тебе самый подлый мой поступок?

– Расскажи, но я заранее знаю, что ты не подлая.

– Это было летом прошлого года. У нас гостила тётя моего отца. А я уже дано знала – мне родители рассказали – отчего я заболела.

– Это у тебя от болезни, Наташа?

– Да, я болела полиомиелитом, когда была совсем маленькой. Мне было полтора года и, говорят, что я умела ходить, но я не помню.

– Совсем, совсем не помнишь?

– Совсем, совсем! Я сейчас смотрю на людей, и мне кажется очень удивительным, что они ухитряются стоять на таких маленьких подошвах! Что не падают с них!

– Знаешь, Наташка, а ведь, если подумать, это и правда удивительно! В детском саду я много раз пытался поставить на ноги кукол – и никак! Все падали. Потом понял, что люди не падают потому, что они живые, чувствуют равновесие и умеют его восстанавливать.

– Ну так вот... До полутора лет я ходила. Вдруг к нам в гости из Города приехала эта самая тётя Оля. В тот год в Городе была эпидемия полиомиелита. С тётей на одной лестничной площадке жила детский врач Римма Васильевна. Она сказала ей: «Не надо ехать к людям, у которых есть маленький ребёнок! У нас в Городе эпидемия опасной для детей болезни. Она называется детский паралич. Вы можете заразить их ребёнка!» Но тётя была очень верующим человеком, и ответила Римме Васильевне так: «Запомните раз и навсегда – болезни не от микробов, а от бога! Кто верит в бога и искренне молится, тому не страшны никакие болезни!» Она приехала к нам, погостила у нас две недели, а через день, после её отъезда, я заболела! В прошлом году тётя приехала снова. Она была очень больная – худая, жёлтая. Наверное, у неё был рак, и она приехала проститься с отцом. А в меня, Миша, будто чёрт вселился. Я её не жалела, а люто ненавидела. Ярость кипела во мне и рвалась из моей глотки! Если бы она не трогала меня! Но, когда она опять стала причитать: «бедный ребёнок, как тебя жизнь обидела» и тому подобное, я не выдержала: «Не вы ли виноваты, что я такая бедная?! Это вы сломили мне жизнь, меня никто не возьмёт замуж, у меня не будет детей!» Её как палкой по лицу ударили: губы задрожали, лицо запрыгало: «Я? Я виновата?» – «Вы, вы меня заразили! Вам говорили! Зачем вы тогда приехали?! Это вас бог наказал, что вы так болеете! За меня наказал!» Тут я опомнилась, но было поздно. Всю ночь я слышала, как она вздыхает, ворочается,

всхлипывает. Наутро она сказала отцу: «Отправь меня, Коля, на станцию, я себя очень плохо чувствую». И когда приехали машины, которые ездили на станцию за горючим, подошла ко мне и тихо, чтоб никто не слышал, сказала: «Прости меня, Наташа, а бог меня давно наказал и скоро приберёт. Прости, если сможешь!» Я до сих пор не могу поверить, что могла такое сказать человеку, который был при смерти! Что была такой подлой!

– Конечно, Наташка. Не надо было это говорить, но и тебя можно понять.

– Нет, меня нельзя понять, я вскрикиваю от боли, когда перед глазами встают её жёлтые трясущиеся щёки.

– Она умерла?

– Да, через месяц.

– Не переживай, Наташка. Ты выздоровеешь, и у тебя будет счастливая жизнь!

– А я её заслужила?

– Заслужила, обязательно заслужила!

– Нет, не заслужила. Мне десять лет, а на душе уже столько нехорошего, грязного, чего надо стыдиться!

Весной, в жаркий апрельский день мне удалось совершить ещё один подвиг для моей «прекрасной дамы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.